

В романе Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» рассказывается о колхозе Кубань после Отечественной войны.

Я с удовольствием прочитал о жизни, кубанский колхоз с нашим колхозом, район с районом.

Действие романа начинается в станице Усть-Невинской, разделенной на три самостоятельных колхоза: имени Буденного, имени Ворошилова, имени Кочубея. Условия жизни одинаковы, но колхозы разные, потому что разные председатели.

Все три председателя, изображенные в романе «Кавалер Золотой Звезды», выхвачены писателем из жизни. Есть такие и в нашем районе.

Колхоз имени Буденного, которым руководит Стефан Петрович Рагулин, образован в станице. Сергей Тугаринов, осматривая по возвращении домой станицу, видит необычную картину: на улице нет бурьяна. На бригадном дворе опрятность и чистота, порядок, двор обнесен дощатым забором, ворота закрыты на замок, посевной инвентарь и бочки стоят под навесом, навес сложен квадратным столбом.

Ничего подобного Тугаринов не видел ни в колхозе имени Кочубея, ни, тем более, у Ворошиловцев.

Председатель колхоза имени Кочубея Дарья Байкова осуждает домовитость буденковцев. Самого Стефана Рагулина Дарья Никитична обвиняет «натурным стариком», жадотой, который случайно оказался во главе артели, обижает людей, допускает «перегибы».

Председатель колхоза имени Ворошилова Алексей Артамонов тоже язвительно критикует Рагулина «скряпкой». Сам Артамонов сдает часть колхозной земли в аренду садоводам. Ворошиловцы имеют, в отличие от буденковцев, увеличенные привилегии участка, свои посевы.

Поругавшая Рагулина, Дарья Байкова и Алексей Артамонов часто вспоминают слова председателя райисполкома Федора Хохлова. Хохлов приписывает Рагулину ни много ни мало — «преждевременное установление коммунизма».

А что произошло? Прелестнейший Рагулин в начале войны отрезал из общественного хлеба добрый кусок, раздал его колхозникам. Колхозники обвинили землемоль, скотом, птицей, и все их нутро уже повернуто к своему клочку земли, а на колхоз они смотрят, как на второстепенное дело, — рассказывает Рагулин. — Такому колхознику и горь мало, будет пришло на ферме или не будет, — у него есть свой скот; уродит ли общественный посев или не уродит, — у него свой хлеб растет!..

Что ему печальится! Вот мы ли земледельцы и вернули колхозу. Было обещание. И тогда так и сказал: «Хотите жить в достатке и сделать весь колхоз богатым, а на индивидуальных посевах мы далеко не уедем». Где тут «преждевременный» коммунизм?

Сергею Тугаринову на первых порах еще не ясно, что «перегибает», что борется за партийную линию в колхозном строительстве. Мне же, читателю романа, сразу ясно: прав Стефан Рагулин.

Правота Рагулина подтверждается жизнью.

Рагулин закончил третью прополку, посевы у него чистые, он ждет богатого урожая. У Артамонова бурьян «колосится» в поле, некогда ворошиловцами прополоть общественную кукурузу, подсолнух — заняты своими огородами.

С. КАПУСТИН.

председателя колхоза «Мир» деревни Малое, заводского района, Калининской области

Алексей Артамонов беззаботно транжирит колхозное добро. Стефан Рагулин скуповат, расчетлив, строг. Колхозная квартира у него на крепком замке.

Рагулин и Артамонов — оба члены партии, но они по-разному понимают в чем корень колхозного богатства. Артамонов нарушает устав сельхозартели, идет на поводу у остальных колхозников. Рагулин держит равнение на передовых людей артели, свято блюдет устав, как партийно-советский закон.

Интересен председатель станичного совета Савва Остроухов — беспокойный человек с мечтой в голове. У него большие планы переустройства станицы Усть-Невинской и укрепления колхоза. Он никогда увлекается свыше меры, но думает правильно: надо идти вперед; что вчера было хорошим, то завтра может стать и плохим...

Планы его не встречают поддержки ни со стороны Байковой и Артамонова, ни в районе, да и сам Остроухов робок, не напорист, не умеет постоять за свою правду. Такие люди полезны, как заправы новой песни, но в жизни им нужен руководитель, вождь. Таким вождом и стал для Остроухова Сергей Тугаринов.

Некаждый председатель райисполкома Хохлов. В прошлом участник гражданской войны, человек заслуженный, он политически остыл, душевно засох, потерял остроту глаз, боится риска, ленился хлопот. Узкий делец, он своенравно руководит колхозами и выполняет хлеботорговлю. Но у таких-то именно «делают» обычно срываются поставки государству: уходят мистик за себя жестоко.

Федор Хохлов замечает Дарью Байкову, Артамонова, порицает Рагулина, неустойчиво одергивает Савву Остроухова, якобы «забывающего в небо». В беседе с Тугариновым он сердито говорит о Савве: «Тут потребуются десятилетия, а ему завтра же подавай и театр, и парк, и электрическую станицу, и разную рыбешку». В этих словах — весь Хохлов. Такие люди, к сожалению, еще не выжили в районах. Вместо того, чтобы помогать колхозникам на большие дела, они мямлят о трудностях, топчутся на месте.

Бабаевский снимает Хохлова и выдвигает на пост председателя райисполкома Сергея Тугаринова. Это смелый шаг. На фронте младшим лейтенантом, хотя бы и Героем Советского Союза, не поручали командовать дивизией. Сельскохозяйственный район — та же дивизия. Жизненный опыт Сергея невелик, опыта партийно-советской работы вовсе нет. Вначале я сильно озабочен, — не надеюсь ли пареня ошибся.

Он справился. В армии его учили хорошо воевать и воспитывали в нем общественного человека. Он горячо, по-большевистски, берется за работу. Народ помогает ему. Началась борьба за пятилетний колхозный план, за рытье Усть-Невинского канала и строительство гидростанции, за высокие сталинские урожаи. То, что представлялось Федору Хохлову бреднями и наивной мечтой, становится явью колхозной жизни. В этом я и вижу главное зерно романа, главную заслугу писателя.

Георгий ЛОМИДЗЕ

Приверженность к старому

В прошлом году в государственном издательстве Грузии вышел первый том собрания сочинений К. Гамсахурдиа. В этот том включен роман «Похощение луны», первый вариант которого был опубликован около пятнадцати лет назад.

Считается, что новое издание книги автором исправлено и переработано. Однако читаешь странную застывшую с чувством все возраставшую досаду и оторочения. Что же исправлено, что переработано? Отдельные фразы, выражения, интонации?

Да и мог ли автор на самом деле исправить недостатки этого романа? Нет, ибо книга порочна не в частностях, а в основном — в своей идейно-художественной сущности. «Исправление» здесь должно было означать создание нового романа, с иным взглядом на жизнь, с иным пониманием советской действительности. Это сложную, большую работу К. Гамсахурдиа не сумел сделать. Он устранил шероховатости стиля, несколько очистил язык от словесного шлама, идейная же направленность романа осталась прежней.

События в книге относятся к тем годам, когда в Грузии, как и во всей советской стране, началась коллективизация. Действие романа протекает попеременно в деревне и в городе, но не коллективизация и не советские люди интересуют автора. Среди действующих лиц романа, правда, есть и комсомольцы, и коммунисты, но они теряются среди бывших князей и их прислужников.

Борьба нового со старым, которую олицетворяют взаимоотношения коммуниста Арахака Замбава с отпрыском княжеского рода Тарашем Эмхвари, не выражает столкновения двух идеологий, двух антагонистических социальных миров. Она переключена автором в сферу любовную. Между этими персонажами происходит дуэль за обладание женщиной, — и в этом К. Гамсахурдиа видит смысл победы нового над старым.

Хотя автор и уверяет в том, что он отдает предпочтение социалистическому человеку, художественная логика романа,

его сюжет неопровержимо и точно доказывают противоположное. К. Гамсахурдиа больше интересует бывшая феодально-аристократическая Грузия. Новое занимает его лишь постольку, поскольку в этом «новом» сохраняется старое, поскольку оно сходно со старым, древнейшим и продолжает его, пусть в иных условиях, но на тех же моральных основаниях.

Потому как в первом варианте «Похощения луны», так и во втором нет образов новых советских людей, первых организаторов колхозной жизни в Грузии. Вместо них перед читателем, как главный герой романа, предстает Тараш Эмхвари — великосветский помещик, погруженный в изучение истории собственного рода, жеманный индивидуалист, мистик, поклонник реакционной философии Ницше с ее высокомерным презрением к человеку, с ее культом хищных, звериных инстинктов в людях.

Переиздание в таком виде романа «Похощение луны» заставляет думать, что К. Гамсахурдиа, как и пятнадцать лет назад, далек от правильного понимания нашей жизни, что груз прошлого тяготеет над ним с прежней силой.

В этом году писатель закончил и опубликовал в журнале «Мироты» вторую часть трилогии о царе Давиде Строителе. В ней он продолжает развивать характер Давида, намеченный в первой части. К. Гамсахурдиа стремится показать сохранение государственного ума царя, роль Давида в деле объединения грузинских земель, его борьбу против чужеземных завоевателей.

Это — последнее по времени произведение К. Гамсахурдиа. Естественно, возникает вопрос: может быть, в этом произведении писатель утвердился на новом пути, нашел выход из идейного тупика? К. Гамсахурдиа обладает большими историческими знаниями. Он свободно оперирует ими, щедро уснащая художественную ткань романа сведениями из былой Грузии (XI—XII века). Он привлекает интересные данные, малоизвестные в грузинской исторической литературе, что

Руководителям колхозного дела нередко приходится бороться с людьми отсталыми, заблуждающимися, косными, как спорил Стефан Рагулин. Это хорошо подмечено и показано Семеном Бабаевским.

Во второй части дача разномыслия Сергея Тугаринова с отцом. «...Лес в станице поубавил. Станицу хотели себе построить, — так ты же всем станицам передашь».

Такие же обвинения предъявляет Сергею друг детства Савва Остроухов.

Сергей дает бой отцу и Савве Остроухову и выигрывает этот бой: Усть-Невинская гидростанция становится районной электростанцией. И Сергей приобретает в своей станице соседние колхозы вовсе не потому, что гонится за славой, а по государственному расчету.

Здесь правильно показана разница кругозора. Тимофей Тугаринов и Савва Остроухов мыслят с колокольни своей станицы. Сергей вырос, он шире, дальновиднее, в нем нет старой крестьянской думы о своем «дворе», который еще не перебрался старик Тимофей и молодой казак Савва Остроухов. Это не кубанский «случай», а явление общее, повсеместное.

Из героев романа мне очень понятен и близок Стефан Рагулин. Сколько раз и меня, как его, попрекали скупостью, скарпентом! Наш колхоз был осенью 1941 года начисто разграблен фашистами. Приходилось все начинать с нуля. И я был скуп, трясся над каждым пудом зерна, над каждым рублем. Нам было тяжело. Но зато теперь легче. Мы построили в короткий срок конюшню, свинарню, скотный двор, крытую молотильню, обзавелись лошадьми, оловянными быками, племенными коровами, разным инвентарем. Был я широк, как Артамонов, мы все еще сидели бы на посевных развалах. Судьба Рагулина еще больше укрепила во мне сознание моей правоты.

Вдумываясь в дела Сергея Тугаринова, я кое-что заметил себе на стариковский ус: каждое начинание доводить до конца, как это делают лучшие герои Бабаевского. Есть, на мой взгляд, в романе и недостатки.

Известно, что в передовых сельскохозяйственных районах развито социалистическое соревнование колхозов, бригад, звеньев, отдельных колхозников. В романе этот вопрос обойден. В качестве «двигателя» выступает не соревнование, а группа выдающихся личностей: Тугаринов, Гончаренко, Рагулин, Никита Мальцев, Глаша Немашкина и др. Это не совсем верно. Если народ в артели пассивен, если Стефан Рагулин колхоза не поднимет. Сила Рагулина и Тугаринова в том, что они делают то самое, чего добивается народ. Речь надо вести о взаимном поощрении колхозников с вожаками, а не раздвигать их отстоя.

«Кавалер Золотой Звезды» — хорошая книга, нужная нам, колхозникам. Бабаевский высветляет колхозный труд, изображает сегодняшнюю и завтрашнюю жизнь колхозной жизни. Книга указывает путь для трудовых подвигов. В ней много правды, глубоко волнующей, которая оставляет след в душе, берет за сердце.

Будте протесты такую книгу, хочется работать еще горячее, сделать больше, чем сделал до сих пор, потому что трудимся мы, свободные советские люди, для себя, для нашей великой Родины, которую отстаивали в неслыханной битве с оголтелым фашизмом, и будем укреплять, оттаивать впрямь от всех врагов.

придает роману определенное познавательное значение.

Но одного этого мало. Писатель, коль скоро он избрал предметом изображения прошлое, должен подходить к этому прошлому не пассивно-созерцательно, а с ясно осознанными идейными позициями нашей современности. Мы ждем от исторического романа не пыльное описание дворцовых церемоний, не отражения причудливого «колорита» княжеской жизни, а цельной и живой, страстной, глубоко понятой социальной истории человечества.

Обреда ли история такое содержание и такую форму в «Давиде Строителе», является ли она подлинной душой романа? Увы, этого сказать нельзя! Обилие различного рода деталей, множество интересных, хотя зачастую и мучительных сведений о времени Давида не могут заменить главного — доказательств в исторической перспективе, раскрытия значения реформ Давида для жизни народных масс, наконец, — роли самого народа в титанической борьбе, которую вел Давид.

В романе правильно намечены некоторые черты царя, его мудрая уравновешенность и стоицизм, широта морально-этических взглядов. Говорит автор и о полководческом таланте Давида, о том, как он учил и пестовал свои войска, как готовил их к битвам. Но широкого социального обобщения всей деятельности Давида в книге нет. В конце концов, из романа не ясно, во имя чего борется Давид Строитель, к чему стремился, чего хотел достигнуть, какие идеалы двигали им.

Порой кажется, будто единственным содержанием его жизни только и была мучительная любовь к Дедиске. То и дело в романе встречаются печальные сентенции, вроде: «Было все-таки странно: сколько гор, сколько крепостей он оставил позади, чтобы увидеть ее, достиг владыки Иларита. Теперь он сидит за трапезой у ее отца, ему предлагают отцовское вино, а Давид так и не было суждено увидеть Дедиску».

Вторая часть «Давида Строителя» имеет множество приключенческих сюжетных разветвлений. Она разбросана, многопланова, главы ее чередуются вне всякой закономерности. Роман представляет собой как произвольное сплетение случайных фрагментов, эпизодов, за цепью которых трудно проследить ход событий, их развитие. Несмотря на смену событий, сюжет книги остается статичным, связанным

В преддверии нового театрального сезона поспею поразмыслить о некоторых поучительных уроках сезона минувшего. Какие пьесы пользовались успехом у зрителя, какими качествами — идейными и художественными — отличались эти пьесы? Чьими веро работав в будущем, нужно творчески учесть уроки минувшего и настоящего.

Зритель тоже подводит итоги сезона. Он спрашивает у себя: что дали мне спектакли этого года? На какие животрепетные вопросы современности дал ответ театр? Чему научил? В каких спектаклях я узнал жизнь, какие спектакли обогатили мое знание жизни?

Среди запоминающихся спектаклей — не весьма многочисленных, к сожалению, — зритель, несомненно, называет «Великую силу» и «Закон чести». Успех, вышедший на доны этих спектаклей, — это успех высоконейшего, реалистического, восторженного искусства. Таков первый урок, который должен извлечь театр. Зритель увидел здесь правдивое и возвышающее отражение той серьезнейшей идейной борьбы, на которую подняла нас партия, — борьбы за советский патриотизм, против пережитков низкопоклонства, против влияния буржуазного космополитизма; борьбы, жизненно важной для судьбы нашего социалистического общества.

Когда имя театрального персонажа становится нарицательным, — это вернейший признак настоящего, большого успеха. И в том, что имя Милягина стало нарицательным для обозначения людей, холостяцких перед буржуазным Западом, мы видим один из наиболее значительных итогов минувшего театрального сезона.

1.

Трофим Игнатьевич еще не появлялся перед нами, но мы уже кое-что знаем о нем. Мы видели уже его дочь Липочку, ленивую весьма претворенную, которая называет себя Олимпиадой, которая твердо усвоила, что «каждый устывает, как может», и несколько странным манером прощается со своей подругой: «Гуд бай, крошка!». Мы уже слышали что-то такое насчет строительства оранжереи в усадьбе Трофима Игнатьевича: «Сам презжал, командует». Видели мы и жену его, Евдокию Федоровну, женщину простую и душевную, но уж очень неотрепетно разодетую. И в самой как-то неуместно разодетой. А в самой — смущенно спрашивает она: — А все Трофим. Покази, как наши женщины одеваются умеют. Вот, я, милая, и показываю.

Но вот появляется и сам — Трофим Игнатьевич Милягин. Уточним: мы сидим в креслах Малого театра на представлении пьесы Бориса Ромашова «Великая сила». Милягина играет Федор Григорьев, артист выдающегося таланта, мало пока знакомый московскому зрителю.

Профессор Милягин очень жизнерадостен, очень деятелен, очень самоуверен. Сразу видно, что это человек преуспевающий, удачливый и непоколебимо убежденный в превосходстве и непреложности выработанных им жизненных принципов. То и дело поспрашивает он на часы: «Видно, деловит? Григорьев играет его этаким проститом. Если бы не солнечный возраст и не заграничные в влохоты костюм, о нем даже можно было бы сказать: рубашка-парень. Хотя профессор Милягин — директор научно-исследовательского института, но, смотрите, он ничуть не загорялся, он — свой, он — демократ. И слова он говорит наши, правильные, знакомые — о внимании к человеку, о том, что наука должна быть активной, о том, что нам нужны молодые силы...

Таково первое впечатление. Сначала мы даже готовы были скептически относиться к некоторым, так сказать, странностям профессора. Любимое его словечко

и развивается еще заметными толчками. Автор к тому же особо пристрастен к бытовым деталям, этнографическим подробностям, в исторической бутафории. Роман перегружен описаниями внешнего мира. Увлекался второстепенным и побочным, писатель забывает о центральных проблемах повествования. Домашняя композиция, разбросанность сюжета предопределяют и участь образов книги.

Исторический роман должен раскрыть судьбы людей, давать картины развития общества, классовой борьбы, происходящей в нем. К. Гамсахурдиа таких картин не дает. Нет в романе тех идейных и эмоциональных нитей, которые связывают бы царя Давида с народом, с его жизнью и участью.

Правда, автор ввел в повествование и представителя «низов» — князя Кора-Ситку, ловкого, бесстрастного человека. Назначение этого образа, по всей вероятности, в том, чтобы переключить мост от царя к «нищим и обездоленным».

Но Кора-Ситка не вызывает у читателя даже элементарной симпатии. Автор наделяет его уродливой наружностью Казимиро — без душевной чистоты и благородства последнего. К отталкивающему облику Кора-Ситки добавлена столь же отталкивающая толстая улыбка и пресмыкательство перед царем. Этого «героя» никак нельзя назвать выразителем мыслей и чувств народных масс.

Народ, его представители — подлинными творцами и строителями истории — в романе отсутствуют. К. Гамсахурдиа не сумел связать органическим единством частное и общее, личное своих персонажей — с общим, историческим. Его новая книга — это всего только жизнеописание царя и его придворных, их быта и приключений.

Но это значит, что в новом произведении писатель не смог преодолеть тяготеющей над ним груз прошлого. Более того: вторую часть «Давида Строителя» К. Гамсахурдиа снабдил своеобразными комментариями, назвав их «Авторскими репликами». В этих «репликах» он отвечает тем, кто критиковал его книги. Оспаривая все критические замечания, К. Гамсахурдиа заявляет, что он не один в своем «утверждении», что он раз-

«окей», да мало ли какое словечко может приваляться. Ну, поправился ему, допустим, заграничный портфель. Что ж тут такого? Ну, купил он этот портфель, Пускай носит себе на здоровье.

В иностранном журнале напечатана статья о возглавляемом профессором Милягиным институте. Несколько строк о нем самом. «Все-таки приятно, когда тебе знают за границей, а?».

Это вопросительное «а?» обращено к нам. Вы ничего плохого не видите в том, что профессор Милягина знают за границей?

Но нас уже начинает раздражать это «окей», эти нескончаемые земные поклоны, которые столь усердно бьет Трофим Игнатьевич в сторону Запада. У них — сервис. У них — комфорт. У них — умеют жить. Послушайте, с каким почтительным прищипыванием, с каким унижением произносит григорьевский Милягин каждый раз это самое «у них».

Ой, Милягин, человек широкий, видите ли, взгляды. Он, учтите, чужд какой-либо «отраженности». Не говорите при нем о нашей науке. Он тотчас же воскликнет: — Наша наука!.. Нет никакой нашей науки, нашей науки... Наука принадлежит всему миру.

Согласно авторской ремарке, Милягин произносит эту реплику «пожимая плечами». Григорьевский Милягин говорит эти слова крайне раздраженно и, пожалуй, даже патетично.

Всему миру... Масштаб-то какой! Широ-то-то какой!

Что же отвечает Милягину профессор Лавров?

— Нет, я с этим никогда не соглашусь. Мне дорого то, что сделано в моей стране, нашими руками... Привыкшая, он мог бы, например, запомнить Милягину слова, сказанные сто лет назад умнейшим русским человеком о таких вот милагиных: «Воспоминание есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бедный, туманный призрак, существо безразличное, бездульное, нестойкое называемое священным именем человека». Он мог бы добавить, что в наше время и в нашей стране космополит есть явление особенно уродливое: что только тогда наука и будет принадлежать всему миру, когда она во всем мире будет принадлежать народу; что за это предстоит бороться и что в этой борьбе первостепенную роль как раз и призвана сыграть именно наша наука.

Но как, однако, могло случиться, что Трофим Игнатьевич Милягин — профессор, директор института — не понимает таких элементарных вещей? Заслуга драматурга и артиста в том и заключается, что они сумели дать средствами искусства убедительный ответ на этот вопрос.

2.

К мильягинскому образу жизни и к мильягинскому характеру мы еще вернемся, а пока представим опять слово профессору Лаврову:

— Мне бывает стыдно, когда я слышу этокое умилительное восхищение перед всем заграничным. Мне просто стыдно.

А Милягин:

— Шикто, Павел, не умиляется, а что хорошо, то хорошо. Милягин, видите ли, хочет быть лишь объективным.

Пресловутое «беспристрастие» мильягинского мира дремлет, когда при них толчет приоритет русской науки, когда клеветничает на советскую культуру, когда попирает духовные ценности, созданные нашим народом. Однако, стоит нам только услышать критическое замечание в западный адрес, как они уже тут же так тут.

От них не дожидаясь боевого выступления против растленной буржуазной культуры, но зато они немедленно, как по команде, поднимают голос против... против

делает судьбу... Толстого, Бальзака, Стендаля, Флобера, которых также не понимали критики, как теперь не понимают его. При этом Толстому, Бальзаку, Стендалю, Флоберу, по мнению Гамсахурдиа, было куда легче, так как для своих исторических романов они пользовались изученным и устоявшимся материалом, ему же пришлось все самому разыскивать и открывать.

Не менее претенциозно и второе утверждение «Авторских реплик». До сих пор считалось, что язык новой грузинской литературы создали И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Пшавела, А. Казбег, Д. Квишинец. Но Гамсахурдиа утверждает, что А. Казбег и Д. Квишинец до конца жизни оставались верны «местным наречиям», что в стихах В. Пшавелы преобладали «старо-грузинский тон», а И. Чавчавадзе и А. Церетели, хоть и боролся в молодости за обновление грузинского языка, вернувшись затем к консервативным традициям, в «старому грузинскому тону». Создателем же и реформатором грузинского литературного языка К. Гамсахурдиа считает только себя самого.

«Авторские реплики» уже получили заслуженную резкую оценку в грузинской прессе. Печать справедливо охарактеризовала их, как манию величия и проявление провинциальной самовлюбленности автора. Но самое появление этих «реплик» указывает, что К. Гамсахурдиа все еще привержен к старому, отжившему и даже склонен отстаивать свою неверную концепцию понимания исторического процесса.

К. Гамсахурдиа — крупный и даровитый писатель, обладающий огромной трудоспособностью, многосторонними и обширными познаниями. С тем большей тревогой и озабоченностью должны отнестись к его дальнейшему творческому развитию Союз советских писателей, литературная общественность Грузии.

К. Гамсахурдиа стал на путь, который фактически означает отклонение от принципов социалистического реализма, на путь, который ведет не вперед, а в сторону от общего развития братских советских литератур. Этот факт еще раз указывает на то, к чему ведет чрезмерный уход некоторых грузинских писателей в давнишнюю историческую тематику. Он еще раз подтверждает, что без живой органической связи писателя с нашей современностью творчество его приходит к кризису и застою.

опасности «перегибов» в нашей борьбе с низкопоклонством.

А опасность самого низкопоклонства? Ее существование остается несомненным. Не является ли такая позиция способом утешиться в разговорах о «перегибах» борьбу с явлениями низкопоклонства и космополитизма?

«Что хорошо, то хорошо...» Но ведь в том-то и дело, что мильягин в своем самозабвенном умилении перед иностранщиной уже не в состоянии отличить хорошее от плохого. Очень часто у них хорошим выглядят весьма посредственные, а то и вовсе дрянные. Рекламиривал ведь журнал «Торфяное хозяйство» торфорезную машину иностранной марки «Майнке», и тоже, видимо, думали: что хорошо, то хорошо. А на проверку оказалось, что «Майнке» — давно устаревший иностранный хлам, что торфорезные машины нашей отечественной конструкции неизмеримо лучше.

Жаль, что у Трофима Игнатьевича, столь восхищающегося благами буржуазной цивилизации, столь тоскующего по европейскому комфорту и американскому сервису, жаль, что никто не спросит у него в упор:

— А вы, Милягин, собственно говоря, за коммунизм или за капитализм?

Трофим Игнатьевич, повиновому, возмущается такой оскорбительной для него постановкой вопроса. И, быть может, даже вполне искренне возмущается.

— Безобразно!.. Это да!..

Погодите, Милягин, дайте нам разоблачиться.

Милягин — за коммунизм. Но, признается, в коммунизме его как-то больше устраивает «каждому по потребностям», чем... «от каждого по способностям».

Милягин — за коммунизм. Он даже хотел бы приблизиться к себе коммунистическое завтра: если нельзя еще, чтобы каждому было по потребностям, то нельзя ли, пока суд да дело, чтобы ему, Милягину, отпустилось по потребностям?

О, Милягин верит в победу коммунизма! Настояще сильно верит, что даже позластят все не обязательным для себя утомляться на строительстве нового общества, ведь все равно построит.

Он симулирует самую кипучую деятельность. Вот откуда его демократичная деятельность, его непереставное потягивание на часы. Вот откуда его стремление всегда быть на глазах у начальства. Вот откуда его забота о внешней, показной стороне деятельности института.

Он не хочет включать в план институту важнейшую работу профессора Лаврова и в порыве откровенности признается: — Это не козырь, а нам нужны козыри... Славны иметь не бужет, а риск велик. Рисковать Милягин не любит. И здесь он верен себе: «В Америке еще не умеют это делать, а у нас смит такой тити, пылится, пылится и думает, что он открывает новые горизонты».

Официально же это выглядит так:

— Нам нужна активная наука, а не созерцательные фантазии... Мы не имеем права, дорогой, витать в облаках...

Онажидки, пылительный, он проболтался Лаврову о самом сокровенном: — Нам надо учиться жить. Вот моя душа, знаете, чего хочет? Покая, солнечной тишины, уюта... Антр ну, по-приятельски. Другой будет враг: я такой-сикой... А открыто. Надо было воевать, мы не проталины. Вот — заработали. А теперь мне хочется пожить.

Но стоило только Лаврову возмутиться: «Как ты можешь так рассуждать?» — Милягин сразу же протрезвел и забыл об ой: «А кто тебе сказал, что я так рассуждаю? Просто напло. Микроклимат, Дескать, пошутить».

Эта очень существенная черта Милягина: Трофим Игнатьевич понимает, что его образ мыслей и его образ жизни идет вразрез с нормами социалистического общества.

И сколько бы ни корчил из себя Милягин человека преуспевающего и непоколебимо самоуверенного, мы видим, что он пытается обмануть и нас и самого себя.

Благополучие Милягина построено на песке.

Для преуспевающего Трофима Игнатьевича необходимо стечение счастливых обстоятельств. Необходимо, чтобы под его началом работал племянник начальства, глава семьи Семен Семенович, чтобы Семену Семеновичу покровительствовал Николай Спирidonovich и т. д. Стоит только повянуть одному аvenu этой хрупкой цепочки, — и Трофим Игнатьевич летит вверх тормач

Н. ВАСИЛЬЕВ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ивкс приводит и другие весьма убедительные факты, характеризующие уголов-

На следующее утро мы вместе с экскурсионной группой осматриваем скотобойню Чикаго, занимающие площадь в сотни акров. Здесь накопятся владения

Издательство «Чикаго трибюн» и газетный синдикат Макморрича помогают ему на тот же Мичиган-авеню в небоскребе, построенном в виде башни. Он стоит на участке, предназначенном для строительства городского школы, который Макморрич приобрел путем мошенничества по баснословно низкой цене и прикарманил таким образом несколько миллионов долларов. Но это не самая значительная его операция по прикарманиванию. Позднее он присваивал общественные деньги в еще большем масштабе. В 1937 году ему был предъявлен иск в неуплате казначейству налогов на сумму около 30 миллионов долларов. Однако Макморрич при помощи своих ставленников в суде сумел повернуть дело так, что иск остался без всяких последствий. Американские бизнесмены крадут десятки миллионов долларов и не только преуспевают в салонах лутуократии, но и стоят на самой высокой ступени американской социальной иерархии.

Михаил СВЕТЛОВ

Мы — свидетели и участники колоссальных общественных сдвигов и потрясений, воспитанные коллективом и никогда не желавшие оставаться в одиночестве, вышедшие разлуку и преодолевшие ее, хоронившие погибших в боях товарищей и переживавшие прощальный привет их матерям, мы, продолжающие творить с народом (вне узаконен, — мы не нуждаемся в американских пособиях: «Как с успехом писать и продавать...»)

Вот что пишет о них Гривиналь Паук — издатель журнала «Зерноброд»: «...Они выполняют грустную работу, имеющую перед собою весьма мало перспектив. Что же касается начинающих авторов, то положение с ними настолько плачевно, что было бы безумием смотреть на него через «призовые очки»...»

Таковы неидеальные пороки буржуазной литературы Запады — следствие такой болезни, как старческий маразм!

Гитлеровцев в Бизонии

Недавно на шумевшем бракосочетании
исула США в Мюнхене Сама Вуда с frau
и — наследницей знаменитых пивова-
в Чикаго, — за свадебным столом рядом

Приемные экзамены — с 1 по 20 августа.

Зачисление в число студентов производится с 21 по 25 августа.

АДРЕС: Москва, Тверской бульвар, 25; тел. К 0-55-26.

Б—02620.